

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

Часть I. Мирная жизнь

Глава 1. Детство.....	13
Глава 2. Московский студент.....	21
Глава 3. Армия.....	27
Глава 4. Чередa перемен.....	32
Лимитчик	32
Встряска	36
Снова студент.....	39
Назад в Карабах.....	41
Комсомол.....	43

Часть II. КАРАБАХ.....

Глава 5. Начало освободительного движения.....	53
Сбор подписей за воссоединение с Арменией	53
Мирные выступления	58
Противостояние.....	64
Сумгаит	65
Глава 6. На грани войны.....	66
Конец иллюзий.....	66
Аркадий Вольский и его комитет.....	75
«Миацум»	79
Безопасность под вопросом.....	82

Глава 7. Партизанская война	90
Каратели	90
Друзья и враги	96
Операция «Кольцо»	106
Глава 8. Между эйфорией и отчаянием	109
Посредники	109
Референдум	116
Вывод советских войск	117
Жизнь под обстрелами	121
Выборы в парламент	126
Комитет самообороны	130
Штурм Ходжалу	135
Мой брат	143
Взятие Шуши	147
Прорыв блокады	156
Теряем Карабах	161
Глава 9. Перелом в ходе войны	169
Создание Государственного комитета обороны	169
Первые успехи	173
Кельбаджар	179
Агдам	191
Тайная встреча с Гейдаром Алиевым	196
Безрезультатные переговоры	198
Владимир Казимиров	203
Примаков и обмен пленными	205
Аркадий Гукасян	208
Перемирие, ставшее миром	209
Глава 10. От войны к мирному строительству	217

Часть III. АРМЕНИЯ

Глава 11. Из президентов в президенты	231
Новый вызов	231
Глава правительства	238

Отставка Тер-Петросяна	247
Президентские выборы 1998 года	265
Глава 12. Выбираемся из экономических окопов	276
Решение острых проблем в экономике	276
Консолидация политических сил. Выборы в парламент	288
Глава 13. Теракт в парламенте 27 октября	298
Утро	298
Катастрофа	299
Операция по обезвреживанию террористов	301
За кулисами	311
Политические последствия теракта	314
Глава 14. Начало глубинных реформ	325
Консолидация правительства	325
Системные изменения	326
Не экономикой единой	330
Глава 15. В шаге от мирного договора	336
Встречи с Гейдаром Алиевым	336
Ки-Уэст – мирный договор, который не был подписан	343
Ильхам Алиев	349
Глава 16. Политические противостояния – политические союзы	352
Снова выборы	352
Коалиционное правительство	362
Глава 17. Качественный рывок в развитии экономики	366
Планы	366
Кирк Керкорян	370
Северный проспект	373
Зона бедствия	378
Аэропорт, виноделие и Эдуардо Эрнекиян	385
Цахкадзор	390
Строительство газопровода Иран – Армения	393

Глава 18. Внутренняя политика	402
Конституционная реформа	402
Перекройка правительственной коалиции	405
Глава 19. На пересечении интересов	412
Немного о США.....	412
Отношения с Россией. Владимир Путин	417
Отношения с Турцией	423
Отношения с Церковью и религией.....	427
Глава 20. Образ жизни и стиль работы	431
Глава 21. Осознанное решение уйти из политики	439
Серж Саргсян и РПА.....	440
Выбор преемника.....	441
Глава 22. Трагические события 2008 года	445
Попытка возвращения Тер-Петросяна.....	445
Стояние на Театральной площади	451
Столкновение	459
Расследование и причины трагедии	465
Глава 23. Другая жизнь	470
Мысли вслух.....	470
Постпрезидентская реабилитация.....	472
P.S.	481
P.P.S.	484
Примечания	487
Именной указатель	498

Предисловие

Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха стал одним из первых предвестников распада СССР. Слабеющая центральная власть явно не справлялась с экономическими проблемами, а «перестройка и гласность» катастрофически быстро разрушали систему управления страной. Власть оказалась не способна предложить обществу что-то новое, привлекательное и мобилизующее. Страна, которая опиралась на сверхцентрализацию и была скреплена идеологией, стремительно теряла ориентиры. Несмотря на это, угроза целостности Советского Союза стала реальной и необратимой лишь тогда, когда начался разлом по самому уязвимому месту — по этническому признаку.

В эти драматичные времена я оказался в эпицентре армяно-азербайджанского конфликта и стал одним из главных действующих лиц. Митинги, забастовки, чрезвычайное положение, комендантский час, вооруженные формирования, этнические столкновения, стычки с войсками, война — все эти события впервые в Советском Союзе произошли в Нагорном Карабахе и вокруг него. Жизнь показала, что у нас в Карабахе не было другого выбора: мы отчаянно отстаивали наше право жить на земле своих предков. Будучи партийным работником, я сразу же стал одним из лидеров карабахского движения, занимался как его политической составляющей, так и формированием вооруженного подполья — основы будущей Армии обороны НКР. Лето 1992 года, когда половину Карабаха оккупировали азербайджанские войска, оказалось для нас самым трагическим. Сложилась опаснейшая ситуация, и тогда я предложил модель кризисного управления, адекватную нависшей над нами угрозе потери Карабаха. Взял ответственность на себя, создал

и возглавил Государственный комитет обороны — высший орган власти Республики с чрезвычайными полномочиями. Успех был ошеломляющий! За неполные два года нам удалось не только вернуть контроль над всем Карабахом, но и создать вокруг него надежный пояс безопасности.

Сразу после войны меня избрали первым президентом Нагорного Карабаха. Однако в 1997 году случился неожиданный поворот судьбы, и я стал премьером, а затем и Президентом Армении в критический период ее развития. Конфликт с действующим президентом, вызвавший его отставку, внеочередные выборы, потрясший страну теракт в парламенте... Это были чрезвычайно трудные годы как преодоления кризисов, так и созидательной работы и успешных реформ, во многом изменивших облик Армении. За десять лет моего президентства ВВП Армении вырос в пять раз! Мне посчастливилось поработать премьером и президентом в двух странах, признанной и непризнанной, причем в самые насыщенные событиями годы их становления. Так что мне действительно есть о чем рассказать.

Писать книгу я не собирался, хоть и понимал, что моя биография уникальна и может быть интересной. Просто не думал, что когда-нибудь возьмусь рассказывать о своем жизненном пути. Вести дневник у меня привычки не было, в воспоминания погружаться не любил, старые альбомы не листал — словом, в прошлом не застревал. Всегда был занят делами, смотрел вперед и строил планы на будущее. Сразу после ухода в отставку многие уверяли меня в том, что я непременно должен заняться мемуарами, но сам я не ощущал в этом необходимости. Впервые я задумался о книге после двух встреч за пределами Армении, куда был приглашен спикером. Меня приятно удивил и вдохновил живой интерес аудитории к событиям, о которых я рассказывал. Многие участники встречи спрашивали, почему я до сих пор не написал книгу — ведь она получилась бы очень интересной. Но окончательное решение я принял, познакомившись на стратегической сессии АФК «Система» на Алтае с Марком Розиным¹. После интервью, которое Марк брал

у меня как у независимого члена совета директоров компании, он заговорил о книге и сказал, что я обязательно должен ее написать. Тогда я подумал, что мне действительно стоит поделиться с людьми историей моей жизни.

Признаюсь, что когда я начал работу над книгой, то сильно пожалел о своем решении. Но отступить было поздно, никогда и ничего в жизни я не оставлял на полпути. Погружение в прошлое, особенно в его карабахский период, стало тяжким испытанием. Много, казалось, уже безнадежно забыто. Пришлось перечитать все мои старые интервью, посмотреть сохранившиеся видеозаписи, провести множество встреч и бесед с участниками событий тех лет. Поразительно, как откуда-то из глубин памяти вдруг стали всплывать живые картины того, что случилось давным-давно! Даже лица людей, о существовании которых вроде бы позабыл, их имена и связанные с ними переживания! Всю жизнь я настойчиво и весьма успешно тренировался контролировать эмоции. Работая над книгой, я заново учился раскрепощать их — и это оказалось лучшим способом высвободить похороненные в недрах памяти образы.

Мне хотелось, чтобы книга получилась интересной, а не просто описывала исторические события, в которых я участвовал. Хотелось показать канву истории и ту нить, которую мы вплели в нее, — рассказать о том, почему мы поступали так или иначе, что нас беспокоило, что нам мешало, а что помогало и вдохновляло. Впервые раскрыть закулисные подробности самых драматичных отрезков нашей новейшей истории.

Вначале я думал написать обо всем, что происходило в те захватывающие годы, а также назвать имена всех, с кем мы прошли тяжелейший путь как в Карабахе, так и в Армении. Но от обилия фактов книга теряла динамику, становилась слишком грузной, академичной и неудобочитаемой. В итоге я решил рассказать только о самых важных событиях, в которых участвовал.

Я благодарен всем, с кем работал, общался и дружил, и приношу извинения тем, чьи имена не прозвучали в книге.

ЧАСТЬ I

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

ГЛАВА 1

ДЕТСТВО

Я родился и вырос в Степанакерте — маленьком городке, центре Нагорного Карабаха, или Арцаха, как его называют у нас. Когда я возвращаюсь мыслями в детство, мне вспоминается уютный, очень чистый, зеленый и ухоженный город, спрятанный в горах от всего мира.

Говорят, что через два года человек забывает многое из того, что с ним случилось, кроме самого хорошего или плохого. Единственная детская трагедия, о которой я помню до сих пор, — смерть нашей собаки: Джильбарса сбил автомобиль. Все остальные воспоминания овеваны сказочной теплотой, и моя память хранит множество ярких и радостных картинок.

Очень хорошо помню, как впервые сам поплыл. Было мне тогда лет шесть. Мы с братом купались в небольшом озере недалеко от дома, сначала я барахтался у берега, а потом, незаметно для себя, забрался глубже, где ноги не доставали до дна. Вдруг чувствую, вода меня подхватывает и держит, я делаю движения руками и — по-собачьи, конечно, — но плыву! Тем же летом научился ездить на двухколесном велосипеде, и это тоже получилось легко, само собой: р-раз — и вот я уже несусь вместе с мальчишками по пыльной дороге. Способность сохранять равновесие и страсть к скорости остались у меня на всю жизнь.

До сих пор помню в деталях первую поездку к Черному морю всей семьей на нашем «москвиче». Ночевали мы в палатках прямо на берегу, в кемпингах. И конечно, самое сильное впечатление — море. После наших горных речек оно казалось таким теплым, что

из воды нас было не выгнать. Тогда я и научился неплохо нырять в маске с трубкой.

Жизнь ребятни в те годы проходила на улице. Летом мы просыпались рано, мчались на речку и проводили там весь день: купались, рыбачили, играли. Большинство наших игр сегодня никто не помнит, они давно исчезли. Я очень любил походы и часто, прихватив палатку, уходил в горы — с друзьями или братом. Наше знаменитое Шушинское ущелье я изучил вдоль и поперек — знал все тропинки и укромные места, облазил все пещеры и запросто мог заночевать в горах и без палатки.

Зимой главным развлечением становились коньки и лыжи. Как мы с друзьями радовались снегу! Горных лыж, конечно, тогда еще ни у кого не было, мы брали широкие солдатские, придумывали приспособления, чтобы закрепить пятку, забирались повыше и неслись вниз.

Снега выпадало много, он долго не таял, и все дороги в городе превращались в сплошной каток — соль тогда не сыпали. Городским автобусам, чтобы они не буксовали, на колеса наматывали цепи. Пока автобус, пыхтя, медленно поднимался в верхнюю часть города, мы, мальчишки, надев коньки, цеплялись к нему сзади, а потом скатывались по улицам. Коньки моего детства, «снегурки», сильно отличались от современных: просто два стальных полоза, которые привязывались веревками к обычным ботинкам.

Наша семья жила в каменном доме, который сложил еще мой дед. Я помню, как мы каждое лето красили суриком жестяную красную крышу, чтобы она не ржавела. Несколько раз дом достраивали: изначально внутри была лишь одна комнатка, но со временем он постепенно расширялся — появились еще две комнаты, веранда и подвал. До сих пор ясно вижу висящие на стенах старые фотографии — дедушка, бабушка, прадедушка. Мне, ребенку, дом казался громадным. Увидев его через много лет, я удивился: какой он, оказывается, маленький. В войну дом уцелел, а потом его снесли — не так давно я обнаружил на этом месте стройку. Пропал и сад, который начал сажать еще дед.

Сад был большой радостью и гордостью отца. Выдающийся агроном, он очень любил свое дело. Три громадных тутовых дерева примыкали прямо к дому, и мы, дети, постоянно лазали по ним. И конечно, ели сладкую спелую шелковицу. Взрослые из этих ягод делали сироп. И водку. Я до сих пор если и пью водку, то обычно тутовую.

Мы жили вшестером: родители, бабушка, мой брат Валера, я и наша сестра Ивета, дочь отца от первого брака, тогда уже студентка. После вуза она осталась работать в Армении, а потом и вообще уехала в Москву, вышла замуж.

У нас с Валерой была своя комната — одна на двоих. При небольшой разнице в возрасте, всего два года, в детстве мы с ним частенько дрались — из-за ерунды, конечно: я, младший, ершился, ни в чем не желая уступать брату. А потом Валера вдруг вырос, стал большим, мощным, повзрослел, почувствовал силу, и в этот момент наши отношения переменялись. Драки закончились, и началась дружба, которая длилась всю жизнь.

Существовали у нас и свои семейные тайны. Одну из них — историю моего отца — я узнал, только уже став взрослым.

Дед с семьей жил в Баку. Когда в 1918 году в Баку вошли турки и начались погромы армян, отец потерялся. Восемилетний мальчик, с толпой убегающих он оказался на пароме и переправился через Каспий в Среднюю Азию. Революция, гражданская война, власти нет, везде беспорядки, но мои дедушка и бабушка с дочерьми выжили и добрались до Карабаха. А отец долго скитался бездомным и в конце концов, неизвестно как, оказался в Ташкенте. И тут ему повезло: его и других таких же, как он, беспризорников, приютил состоятельный армянин. Дети работали на него, а армянин их кормил и даже отправил в школу. В общем, спас детей.

Бабушка все эти годы не теряла надежды найти своего сына. В стране постепенно восстанавливался порядок, начала работать почта. И бабушкин брат, ставший большим человеком в милиции — он руководил подразделением по борьбе с бандитизмом, — сумел разыскать пропавшего шесть лет назад ребенка в Ташкенте

и привезти его в Степанакерт. Отцу к этому моменту уже исполнилось четырнадцать. Бабушка стыдилась случившегося: как же она могла потерять сына? — и запрещала отцу рассказывать об этом. Никто и не знал. Хотя, конечно, отголоски этой истории слышались то тут, то там. Например, каждый год к нам в гости приезжал папин близкий друг из Ташкента. «Что за друг? Откуда в Ташкенте друг?» Папа не отвечал, и лишь потом выяснилось, что они в детстве вместе работали у того самого армянина.

Еще одна тайна касалась моего деда.

Я его никогда не видел: он умер до моего рождения. Однажды я совершенно случайно, в деревне, столкнулся с человеком, который сказал, что хорошо знал моего деда, деранца* Саркиса. Я спросил, почему он называет деда «деранц». «Как же! — говорит. — Твой дед был последним священником в нашем районе!» Когда дед вернулся в Карабах, спасаясь от погромов, ему, как знавшему грамоту, предложили стать священником: грамотные тогда встречались редко. Дед согласился и служил до конца 20-х годов, пока не закрыли последнюю церковь. Отец же вырос убежденным коммунистом, но в партию его долго не принимали: происхождение неправильное. Папа очень переживал и даже много лет спустя очень неохотно обсуждал с нами эту тему.

Бабушка по отцу отличалась суровым характером — я не помню, чтобы она когда-нибудь улыбалась. Вдова священника, бабушка не верила в Бога. Мы с братом иногда подшучивали над ней: «Бабушка, а нам в школе сказали, что Бог есть!» Она только отмахивалась и просила нас не говорить ерунды. Хотя бабушка никогда и не наказывала нас с братом, слушались мы ее беспрекословно, видимо ощущая ее внутреннюю силу и жесткость. У бабушки было трое детей: старший сын — мой отец — и еще две дочери. У одной дочки муж погиб во время Отечественной войны, и она жила вдвоем с сыном в Баку, а младшая со своей семьей — в Степанакерте

* «Деранц» — в переводе с карабахского наречия армянского языка — человек из семьи священнослужителя.

недалеко от нас. Умерла она рано и внезапно, когда я уже служил в армии, а ровно через год после ее смерти бабушка наглоталась снотворного — хотела наложить на себя руки. Когда бабушку откачали, она объяснила: «Я не должна была пережить свою дочь».

Взрослые в нашей семье никогда не ссорились, голоса на детей не повышали. Мама со свекровью жили мирно. Может, выясняли отношения, когда дети не видели? Думаю, нет: наши будни ничем не омрачались. Дом полностью держался на матери. Волевая, в меру строгая и практичная, она определяла внутренний домашний распорядок, вела семейные расходы и занималась нашим воспитанием. На ней лежала ответственность за все, что касалось учебы детей. Мой старший брат, помню, тяжело вставал по утрам. Я-то просыпался сам еще до будильника, а вот Валеру приходилось долго тормошить. Мама его будит, а брат сонно бормочет: «Ну мам, ну еще минуточку... ну еще секундочку...» Вот тут у мамы могли появиться и жесткие нотки в голосе.

А основным источником моих конфликтов с матерью служили занятия музыкой. Ее дальний племянник хорошо играл на скрипке, и мама мечтала, чтобы я тоже научился музицировать. В первом классе она отправила меня в музыкальную школу, я же страшно стеснялся скрипки и сильно ее возненавидел. Когда шел по улице с футляром, уши горели, хотелось провалиться сквозь землю. Два года я промучился, а на третий нашел решение. Выхожу будто бы на занятия, а сам незаметно, чтобы прохожие не увидели, прячу футляр в самшитовые кусты и бегу гонять с ребятами в футбол. Поиграю, заберу скрипку — и как ни в чем не бывало возвращаюсь домой. Пару месяцев я так прогуливал музыку, пока учительница не позвонила родителям. Тут моя тайна раскрылась, и дома разразился страшный скандал. Мама хотела вернуть меня в школу, но я отказался. Наотрез. Уже научился сопротивляться. Мама уступила, но взялась за брата. Валеру она отдала учиться на фортепиано. Он бросил. Тогда мама упростила его заниматься кларнетом — та же история. В общем, мать не сдавалась, мы тоже, и музыкантов из нас так и не вышло...

И все же главным в семье был отец. Помню, что с работы он приходил поздно и часто ездил в командировки. Отец увлеченно занимался сельским хозяйством и отвечал за него в масштабах всей области; успешное развитие виноградарства в Карабахе — это его заслуга. Кроме того, отец много лет занимал должность заместителя председателя облисполкома и при всей своей невероятной нагрузке успевал вести научную работу. После защиты кандидатской он остался в нашем городе, что было довольно необычно по тем временам: люди, получившие ученую степень, чаще всего уезжали в столицы — в Баку или Ереван. А отец верил, что он нужен здесь, в Нагорном Карабахе. В этих горах он, агроном, создавал город-сад, строил коммунизм, в идеи которого искренне верил всю свою жизнь.

Из-за работы отец не часто мог возиться со мной, но постарался дать мне главное, что, по его мнению, должен уметь мужчина. Помню, как он научил меня водить машину. У нас был старый «москвич», кажется, 403-й модели, с округлыми формами. Мне тогда только исполнилось тринадцать лет, и я был невысоким. Папа посадил меня за руль и говорит: «До педалей досташь?» — «Достаю». — «Дорогу видишь?» — «Вижу». — «Ну, поехали». И я поехал.

Отец же впервые дал мне в руки ружье — одностволку, шестнадцатый калибр. Сначала мы стреляли по самодельным мишеням, нарисованным на фанере или картоне, а потом отправились на охоту в горы. Помню, как я гордился собой, когда в первый же раз подстрелил куропатку. Вскоре отец разрешил мне самому брать ружье, а потом и вовсе отдал. Ни у кого из мальчишек в нашем дворе своего оружия еще не было. Мы собирались с пацанами и с этим ружьем — одним на всех — шли в горы охотиться.

Учился я в русской школе, и учился хорошо. Неважно, нравился мне предмет или нет, но прийти на урок неподготовленным казалось немислимым. Я представить себе не мог большего позора, чем беспомощно стоять у доски, не зная, что ответить. Я вообще был быстрым и дисциплинированным: пришел из школы, сделал в два

счета все уроки — и свободен. Математика, физика мне давались легко, любил географию и литературу. Языки шли гораздо хуже, в том числе русский: сочинения я писал хорошие, но ошибки сажал... А единственные два предмета, к которым меня в школе совсем не тянуло, — армянский и английский. И жизнь, как нарочно, заставила меня выучить их уже взрослым. Как я пожалел, став премьер-министром Армении, что часто пропускал уроки армянского! В школе я и не догадывался, что он мне так сильно понадобится: наш карабахский диалект здорово отличается от армянского языка, и в Армении его понимают плохо.

Центром нашей жизни был двор.

Частный дом, в котором мы жили, примыкал к большому многоквартирному, и в его просторном дворе каждый вечер собирались соседи — взрослые, старики, дети. Все хорошо знали друг друга и проводили свободное время вместе как одна большая семья. Помню беседку посреди двора, в которой взрослые непрерывно сражались в нарды и в шахматы, подтрунивая друг над другом, а мы, дети, носились вокруг. Помню, как в ответ на очередную остроумную шутку кого-нибудь из игроков беседка взрывалась дружным хохотом, и этот хохот, отраженный от стены дома и усиленный эхом, докатывался до самых дальних уголков двора. А поскольку подтрунивали все надо всеми постоянно, то и смех не умолкал ни на минуту. Словом, атмосфера во дворе царила дружелюбная и веселая.

Наш двор считался элитным. В большом доме жили начальник областной милиции, начальник народного контроля и несколько работников обкома партии. Да и в целом народ подобрался интеллигентный: читали книжки, занимались спортом. Рядом находилась школа со спортивной площадкой, и мы играли там в футбол, в баскетбол, в ручной мяч — он тогда пользовался большой популярностью. Бывало, конечно, и так: не поделим что-то во время игры, поссоримся и подеремся, но эти происшествия не разрушали нашу дружбу. Ниже по улице попадались хулиганистые дворы, и иногда ребята оттуда приходили к нам на площадку поиграть в футбол: то дружно играли, то дрались двор на двор. Но серьезных стычек

Часть I. Мирная жизнь

не случалось — просто иногда махали кулаками от избытка сил и азарта.

В общем, детство мое прошло безоблачно и счастливо, как и у большинства карабахцев моего поколения. Наверное, я при- страстен, но я и сейчас уверен, что наш край был особенным. Вокруг — и в Азербайджане, и в Армении, и на всем Кавказе — процветало взяточничество, пользовались авторитетом воры в законе. А Карабах оставался оазисом законности и порядка, слово «взяточник» воспринималось как самое страшное оскорбление, и люди всерьез считали, что строят коммунизм. Видимо, идея о всеобщем равенстве и братстве оказалась созвучна традиционным ценностям, на которых воспитывались многие поколения карабахцев, и мечта об идеальном обществе прижилась на нашей земле. Жители Нагорного Карабаха, добропорядочные советские граждане, искренне верили в светлое будущее.

Так мы и жили — просто и спокойно, и казалось, никакие потрясения не потревожат наш тихий и уединенный край — лишь поколения будут сменяться поколениями.

МОСКОВСКИЙ СТУДЕНТ

В десятом классе я точно знал свой следующий шаг: поеду в Москву и буду поступать в технический вуз. Дальше не заглядывал: вся остальная жизнь казалась чистой страницей, на которой можно написать любую историю. Технический вуз я выбрал потому, что естественно-научные дисциплины мне нравились гораздо больше, чем гуманитарные. Москву — потому, что единственным институтом в Степанакерте был педагогический, и я его вообще не рассматривал как вариант. Если ребята из Степанакерта хотели получить хорошее образование, чаще всего они ехали в Ереван или Москву. Уехать учиться в другую страну тогда было невозможно: границы закрыты, лучшее образование в Советском Союзе — в Москве, значит, мой путь лежит в Москву.

Сдав школьные экзамены за десятый класс на отлично, я собрал чемодан и отправился в столицу. В Москве меня встретила сестра — она жила с мужем в Реутове. На время экзаменов я поселился у них. На следующий день поехал подавать документы в Московский энергетический, смотрю — все столбы вокруг института пестрят объявлениями: репетиторы предлагают свои услуги. Оказывается, у москвичей совсем другая подготовка! У нас-то даже и слова такого — «репетитор» — не существовало. Считалось, что достаточно просто хорошо учиться в школе. Стало быть, надо наверстывать! До экзаменов еще оставалось время. Я нашел себе репетитора по математике, договорился о занятиях и с головой погрузился в подготовку. Так что первые две недели жизни в Москве запомнились мне как кошмар кругло-точной учебы.

Вопреки своим опасениям, я неплохо сдал экзамены и поступил на факультет энергетики. Позвонил отцу. Сотовой связи тогда не было — чтобы позвонить в другой город, нужно было идти на почтаamt, заказывать звонок, причем заранее говорить телефонистке, на сколько минут разговор, и сидеть ждать соединения. Отец, услышав, что я стал студентом, обрадовался. Несмотря на присущую ему сдержанность, я почувствовал: он гордится тем, что его сын будет учиться в столице.

Только теперь я впервые поднял голову и осмотрелся. Мне уже доводилось бывать в Москве раньше, классе в седьмом или восьмом, но это была совсем короткая поездка, и я тогда мало что запомнил. Теперь же меня, парня из небольшого горного городка, Москва впечатлила по-настоящему: иные масштабы, атмосфера, метро с его подземными дворцами, совершенно другой народ. Потерянным я себя не ощущал — радовался, гордился, наслаждался летом, целыми днями бродил по городу, впитывая дух столицы.

С осени начались занятия в институте. Учиться оказалось легче, чем я ожидал, но и не так уж увлекательно. Может быть, потому, что в моей жизни появился очень интересный и образованный человек, настоящая живая энциклопедия — муж моей сестры Ким Григорян. Человека такой эрудиции я никогда не встречал прежде — да, наверное, и до сих пор. Ким тоже был родом из Степанакерта, окончил текстильный институт в Москве. Возглавлял конструкторское бюро на каком-то большом заводе. Я поселился в студенческом общежитии в Лефортово, но почти все выходные проводил в Реутове, у Кима и моей сестры. Именно в этой маленькой квартирке и началось мое неформальное образование.

Вечера мы с Кимом просиживали на кухне. Он говорил непривычные вещи. Я вырос в семье, где справедливость и эффективность советского строя никогда не подвергались сомнению. Обычный советский мальчик, сын коммуниста, я считал, что живу в лучшей стране в мире. И вот день за днем, вечер за вечером Ким показывал мне реальность. Я узнал про репрессии Сталина,

узнал про миллионы людей, умерших от голода во время коллективизации, узнал про арестованных перед самой войной красных командиров, узнал о тайном сговоре Сталина и Гитлера, решивших разделить Европу.

Ким не был деятельным диссидентом — он просто очень трезво мыслил и бескомпромиссно критиковал существующий строй. Мало кто в Союзе тогда понимал, каким страшным на самом деле был режим Сталина и каким затхлым — брежневское время. Во мне Ким нашел благодарного и, вероятно, редкого слушателя и обрушивал всю эту правду на меня. А глубоко ночью, устав от долгих разговоров, мы вместе ловили сквозь шум глушилок «Радио “Свобода”» или слушали джаз.

С собой Ким давал мне книги. Не самиздат, а политическую, философскую, богословскую литературу — но она тоже меняла сознание.

Началось с «Богословско-политического трактата» Спинозы. Никогда прежде я не читал ничего подобного. Было очень сложно, но безумно интересно. После этой книги мир раскрылся передо мной по-новому, я поверил, что только общественный договор, основанный на разуме и добровольно принятый людьми, способен обуздать страсти и пороки отдельного человека. С советской действительностью подобные идеи не имели ничего общего, но тогда я и не пытался увязывать их между собой, а просто впитывал в себя. Хотя, возможно, десятилетия спустя, когда уже стал президентом постсоветской Армении, на многие из моих решений исподволь влияла эта, написанная в XVII веке, книга, которую я прочел в 17 лет.

Однажды Ким подарил мне Библию. Это была маленькая карманная книга в гибкой обложке, которая содержала тысячу страниц — само по себе уже маленькое чудо. Прочитал я ее бегло, не до конца понимая, зачем мне это. Верующим, конечно же, не стал, но тот идеологический каркас, который тогда встраивали в каждого из нас, пошатнулся: Библия выглядела человечнее морального кодекса строителя коммунизма, висевшего в коридорах каждой школы как наглядная агитация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru